

Девиз:
**«От безбожия – к безнравственности,
от безнравственности – к апокалипсису»**

Философский трактат на тему:
«Возможна ли нравственность, независимая от религии?»

Судьбы мира в зеркале морали

1

Как известно, поведение человека в обществе регламентируется рядом правил, которые мы называем правилами морали. Если человек соблюдает правила морали, его поведение считается нравственным, если не соблюдает – безнравственным.

Правила морали опираются на такие основополагающие понятия, как добро и зло. Нравственным считается такое поведение, которое ведет к добру, безнравственным – к злу. Известно также, что с самой глубокой древности и по настоящее время представления о добре и зле существенно не менялись и всегда сводились к простой формуле: добром признавалось все то, что способствует консолидации общества, установлению в нем мира, злом – напротив, разжиганию вражды. Можно сказать, что понятиями добра и зла задана своего рода программа самосохранения человечества.

Вместе с тем итог, к которому пришло человечество в результате многовекового следования этой программе, вынуждает констатировать, что в настоящее время мир находится на грани самоуничтожения. Не говоря о постоянно возрастающем техногенном воздействии на природу, в мире накоплено такое количество агрессии, которое в один момент может уничтожить не только человечество, но и саму планету. Причем, если исходить из сугубо моральных позиций, здесь следует иметь в виду не столько существующие в мире средства уничтожения, сколько само отношение к массовому убийству как к естественному способу решения международных проблем.

Вот и возникает вопрос: почему это происходит? Потому ли, что деятельность человечества на протяжении всего периода его развития была аморальна, или же сами правила морали столь несовершенны, что в своей основе закладывают угрозу уничтожения всего живого? Думаю,

что ответить на эти вопросы можно лишь в том случае, если разобраться, какая необходимость вызвала появление правил морали к жизни. Тогда станет ясно, насколько их соблюдение в действительности является для человека обязательным.

2

В истории мысли попытки найти истоки происхождения правил морали предпринимались еще в античности. Так, Демокрит считал, что способность отличать добро от зла заложена в человека естественно, самой природой: добром является все то, что приносит наслаждение, злом, соответственно, – страдание.

Далее тот же тезис был подхвачен философами-просветителями, полагавшими, что морально то, что естественно. По мнению этих мыслителей, чтобы быть добродетельным, людям вовсе не нужно отречься от самих себя и подавлять естественные наклонности. Напротив, необходимо во всем следовать велениям своего естества, потому что, как писал французский энциклопедист Поль Анри Гольбах, обязанности человека вытекают из его природы, а значит, чтобы быть счастливым, надо просто быть добродетельным.

Этот благодушный эвдемонизм господствовал в умах людей на протяжении всей второй половины XVIII века, но появился Иммануил Кант, и ему был положен конец. Кант справедливо рассудил, что стремление человека к счастью часто толкает людей на аморальные поступки. Поэтому, чтобы вести моральный образ жизни, человек не только не должен следовать велениям своего естества, но он должен постоянно подавлять в себе природное начало.

Однако, с другой стороны, Кант не мог не признать, что без стремления к счастью мораль утрачивает для человека всякий смысл. Как можно требовать от него исполнения нравственного долга, если, исполняя его, он не уверен, что в итоге ему воздастся? Значит, в понятии морального долга содержится противоречие: с одной стороны, чтобы быть моральным, стремление к счастью надо подавлять, а с другой, без стремления к счастью не может быть никакой морали. Найти выход из этого противоречия Кант так и не сумел, объяснив свое бессилие тем, что объективная реальность морального закона, хотя сама по себе и несомненна, тем не менее не может быть доказана никакой дедукцией и никакими усилиями теоретического, спекулятивного или эмпирически поддерживаемого разума.

В современной науке существует два основных подхода к решению проблемы происхождения морали – социальный и биологистский. Согласно первому, восходящему к работам классиков марксизма, возникновение морали было исторически предопределено разложением

первобытной общины и формированием первых государственных институтов. Действительно, некоторые факты косвенно свидетельствуют о том, что мораль как средство регуляции поведения появилась на стыке матриархата и патриархата.

Например, если возникновение языка, письменности и религии традиция, как правило, связывает с богами, то творцами нравственного Закона всегда являются люди. Так, в индуизме его основателем считается мифический предок людей Ману, в Египте – полубог-получеловек Осирис, на Крите – его легендарный царь Минос (ок. XVI в. до н.э.), а в иудаизме, зороастризме и исламе – уже вполне исторические личности, пророки - Моисей (XIII–XII вв. до н.э.), Заратуштра (VII–VI вв. до н.э.) и Мухаммед (VI–VII вв. н.э.).

Все это говорит о том, что в отличие от языка, письменности и религии, которые возникали еще на бессознательном уровне, процесс создания правил морали происходил вполне сознательно, когда человек перестал быть стадным животным и начал становиться существом общественным. Однако такое объяснение скорее отвечает на вопрос «когда?», нежели на вопрос «как?». Для нас так и остается непонятным, почему разложение первобытных отношений обязательно должно было привести к возникновению морали, а значит, социальный подход нельзя считать состоятельным.

Что же касается биологистского подхода к решению данной проблемы, то он предпринимается на основе идей Чарльза Дарвина. Согласно этим идеям, мораль является естественным результатом развития на более высоком уровне тех качеств, которые сложились в животном мире в процессе эволюции.

Известно, что у высших животных можно наблюдать такие качества, как «забота о слабых и больных, взаимопомощь, сотрудничество, солидарность, самоотверженность» [1]. Считается, что «в ходе приспособления и отбора выживают особи, оказывающие помощь, поскольку именно они в других ситуациях оказываются в первую очередь объектом помощи со стороны других особей. По наблюдениям этологов, например среди павианов-анубисов, «альтруисты»-помощники чаще всего оказываются сами объектом помощи» [1].

Между тем эта точка зрения объясняет не все аспекты поведения животных. «Русский генетик В.П.Эфроимсон, выступивший в 1971 году со знаменательной статьей: «Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека)», приводит следующее наблюдение этолога Е.Маре, три года изучавшего жизнь павианов в Африке. «Около тропы, по которой двигалось к своим пещерам стадо павианов, залег леопард. Он был замечен. Два самца-павиана отделились от стада, незаметно забрались на скалу над леопардом и разом прыгнули вниз. Один вцепился в горло хищнику, а другой в спину. И хотя леопард задней ла-

пой вспорол брюхо одному и передними переломил хребет другому, один из павианов за мгновение до смерти успел нанести леопарду смертельную рану, прокусив его яремную вену. Опасность для стада была устранена. Поведение павианов невозможно объяснить с позиций «взаимного альтруизма»: пожертвовав своими жизнями ради сородичей, павианы-альтруисты уже не могут – по принципу взаимности – стать объектом чужой помощи» [1].

Значит, если исходить из теории эволюции, согласно которой механизмы приспособления животных сориентированы на выживание индивида, истолковать поведение павианов невозможно. Поэтому современные последователи дарвиновского эволюционизма находят выход в концепции «совокупной приспособленности, на которую, по их мнению, и направлен естественный отбор. Эта приспособленность обусловлена не выживанием особи, а сохранением соответствующего набора генов, носителем которого является группа родичей... При этом основным «агентом» отбора в процессе эволюции выступает не популяция, не группа и, конечно, не особь, а некоторый набор генов, характерный для данной родственной группы. Особь является, таким образом, «машиной» для выживания гена» [1].

Но такой механизм регуляции поведения не имеет ничего общего с моралью. Он целиком физиологичен, а значит, рефлекторен и ни в каких дополнительных правилах не нуждается. Правила же морали потому-то и существуют, что сама по себе мораль не является физиологически необходимой и может легко нарушаться, если человек находится под влиянием эгоистических интересов. Поэтому попытку интерпретировать мораль как результат развития неких биологических свойств тоже не может считаться состоятельной.

3

На мой взгляд, искать истоки морали в животном прошлом человека можно. Но нельзя все связанные с этим факты интерпретировать исключительно с точки зрения теории эволюции. В данном случае это означает, что надо искать не сходство в поведении человека и животного, а, напротив, отличие.

Как известно, действия любого животного, пребывающего в естественных природных условиях, целиком подчинены рефлексу. Это значит, что на каждую ситуацию животное реагирует так, как ему диктует рефлекс, и отклониться от указаний рефлекса не может. Иначе говоря, животное не способно делать самостоятельный выбор и потому является существом несвободным.

Но если исходить из того, что предок человека был стадным животным (что признается большинством исследователей), то это означает,

что его деятельность тоже была полностью подчинена рефлексу. Следовательно, он тоже не обладал способностью делать выбор и был существом несвободным.

Напротив, человек современного типа способностью делать выбор обладает, и в этом заключается его особое положение в природе как свободного, по сравнению с животными, существа. Но если человек является существом свободным и способен делать самостоятельный выбор, это значит, что его деятельность рефлексу не подчиняется, то есть рефлекс у него отсутствует.

Все это говорит о том, что в некий период времени, по каким-то причинам (в них мы углубляться не будем, так как они не имеют отношения к теме нашего исследования) человек утратил рефлекс и стал существом свободным.

Но рефлекс – это свойство живых организмов, предназначенное природой для того, чтобы обеспечивать им инстинктивную безошибочность действий. Благодаря рефлексу они увеличивают свои шансы на выживание в условиях жесточайшей борьбы за существование. Значит, утрачивая рефлекс, человек тем самым утрачивает способность к безошибочности действий.

Но с утратой способности к безошибочным действиям в условиях конкурентной борьбы за существование шансы на выживание по отношению к тем организмам, которые рефлексом обладают, у человека должны были уменьшиться. То есть с утратой рефлекса человек как вид должен был погибнуть. Однако этого не произошло. Поэтому можно с большой долей уверенности предположить, что в этот период времени появился некий дополнительный фактор, который компенсировал человеку утрату рефлекса.

Я думаю, что таким фактором могло стать только накопление человеком опыта выживания, приобретенного в условиях освобождения от подчиненности рефлексу.

Но освобождение от подчиненности рефлексу означает лишь то, что человек получил право на ошибку, а любое ошибочное действие неизбежно должно приводить к гибели одного или нескольких индивидов. Значит, чтобы приобрести опыт выживания в условиях свободы от подчиненности рефлексу, надо научиться делать выбор между действием правильным и ошибочным.

Однако в условиях, когда опыта еще нет, а рефлекса уже нет, этот выбор может осуществляться только методом проб и ошибок. Иначе говоря, гибель особей в процессе накопления опыта неизбежна. Отсюда следует, что в этой ситуации человек как вид мог выжить лишь в том случае, если опытом, приобретенным ценой жизни индивида, могли воспользоваться другие входящие в популяцию индивиды. То есть если деятельность человека осуществляется в коллективе. В этом заключает-

ся трагичность человеческой жизни, которую можно понимать как плату за обретенную свободу.

4

Следует заметить, что до определенного момента человек, видимо, не осознает трагичности своего положения. Поскольку всякое стадо является единым организмом, обладающим единым сознанием и единой волей, отдельные особи в стаде своей индивидуальности не осознают и свою гибель трагически не воспринимают. Но с переходом от стада к роду и от рода к семье форма сознания меняется: стадное сознание ослабевает и набирает силу сознание индивидуальное. А с возникновением индивидуального сознания каждая особь начинает переживать свою смертность индивидуально.

Вот здесь-то жизнь и начинает восприниматься как трагедия. И в первую очередь через противопоставление жизни и смерти. С этого момента весь мир делится для человека на два противоположных начала – начало добра и начало зла. Все, что ведет к жизни, становится добром, к страданию и смерти – злом.

Видимо, осознание индивидуальной смертности настолько потрясло наших предков, что воспоминание об этом событии нашло отражение во всех известных нам культурах. Так, сказанные Адаму слова библейского Бога «А от дерева познания добра и зла не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2.17) прямо связывают момент осознания человеком своей смертности с познанием добра и зла. У древних египтян жизнь от самого рождения была подчинена идее подготовки к смерти. Лидийский Атис, греческий Дионис, скандинавский Бальдр – все это образы умирающего и воскресающего бога. Словом, с этого момента тема жизни и смерти в человеческом сознании начинает доминировать.

Но если учесть, что выжить в ситуации, когда для накопления опыта необходима гибель отдельных особей может только стадо, то главной угрозой для существования человека, а значит, и фактором зла, можно считать распад единого стадного организма на отдельных, враждебных друг другу особей. Вместе с тем с возникновением индивидуального сознания и осознанием человеком своей смертности такая возможность становится реальной.

Известно, что в стаде инстинкт самосохранения действует по отношению к стаду в целом. Достаточно вспомнить поведение двух павианов из наблюдений И. Маре, которые пожертвовали своими жизнями ради спасения стада. Но с осознанием индивидуальной смертности желание выжить начинает действовать уже не по отношению к стаду, а по отношению к каждому отдельному индивиду. Действуя же в стаде по

отношению к каждому индивиду, инстинкт самосохранения оказывается направленным на утверждение интересов индивида вопреки интересам стада. Так возникает эгоизм, объективно направленный на разрушение стада как единой общности.

Однако, с другой стороны, с возникновением индивидуального сознания стадные связи тоже никуда не исчезают. Они сохраняются в виде чувства тоски по стадному сознанию и стадному единству, создающим для человека иллюзию безопасности. Поэтому индивидуальное сознание не разрушает стадные связи полностью, а только порождает конфликт между стремлением человека индивидуализироваться и его же стремлением к объединению.

Таким образом в обществе возникает ситуация динамического равновесия между тенденцией к индивидуализму и тенденцией к объединению. Тенденция к индивидуализму проявляет себя в виде стремления индивида подчинить себе интересы коллектива, тенденция к объединению – в выработке правил морали, направленных на подчинение индивида интересам коллектива.

5

Чтобы под воздействием правил морали человек мог отказаться от своих эгоистических интересов, эти правила должны отвечать его внутренним потребностям. Однако сам по себе отказ человека от своих интересов не может стать его внутренней потребностью по той причине, что он означал бы отказ от инстинкта самосохранения. Поэтому, чтобы необходимость такого отказа стала для человека его внутренней потребностью, должен существовать некий внешний высший авторитет, побуждающий его к этому отказу и угрожающий в случае неповиновения неотвратимой гибелью. Так в большинстве религий появляется гневное карающее божество, требующее от человека по отношению к себе беспрекословного подчинения.

В десяти заповедях Моисея, представляющих собой своего рода древнейший моральный кодекс, устанавливающий основные принципы сосуществования человека в обществе, четыре первые и самые главные заповеди содержат именно требования почитания человеком бога. Господь требует от человека *не поклоняться другим богам, не создавать себе кумира, не произносить имени бога всуе и один из дней недели полностью посвящать богу* (Исх.20.2-11).

Причем, чтобы человек не вздумал эти требования нарушить, бог предупреждает: *«Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои»* (Исх.20.5-6). И только после столь грозного

вступления следуют заповеди сугубо морального характера, ради которых и создавался этот моральный Закон: *почитай отца и мать, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства и не желай чужого* (Исх. 20.12-17).

Таким образом, подчинение божеству – главное условие соблюдения правил морали. О том, насколько абсолютным должно быть это подчинение, чтобы человек мог пренебречь даже инстинктом самосохранения, свидетельствует, по-видимому, известный библейский сюжет, в котором Авраам, следуя повелению бога, делает попытку принести в жертву своего сына Исаака. А поскольку подобное подчинение становится возможным только при условии веры в его (божества) существование, предпосылки для такой веры должны содержаться в самой человеческой психике.

В самом деле если оставить в стороне трудноразрешимую проблему бытия Божия и попытаться ответить на вопрос, как возникает представление о боге чисто психологически, то задача существенно упрощается. Человеческая психика устроена таким образом, что осмысление любых фактов может осуществляться только путем приведения их в систему. Как говорит А.Н. Уайтхед, «мы не способны думать в терминах неограниченного разнообразия деталей». Поэтому наше подсознание производит операцию обобщения этих фактов при помощи так называемых общих идей. По-видимому, одной из таких «общих идей» как раз и является идея бога. Само же обобщение осуществляется через ощущение глобальной взаимосвязи всех явлений, которое проявляет себя как религиозное чувство.

Материальным выражением этого чувства стали языческие культы, содержавшие в себе, во-первых, описание устройства мира, а во-вторых, ряд базирующихся на нем этических предписаний. Целью этих предписаний была максимальная регламентация всей человеческой деятельности, направленная на подчинение индивида интересам коллектива. Такая тотальная подчиненность обеспечивала необходимые для жизни общества стабильность и предсказуемость и заменяла тем самым утраченный человеком рефлекс.

6

Еще одной проблемой, без решения которой нельзя понять причины отказа человека от своих эгоистических интересов, является социальная дифференциация.

Как мы можем убедиться из нашей повседневной практики, человеческое общество разбито на множество различных социальных групп: классов, слоев, организаций, социальных институтов, систем и подсистем. Эти социальные группы расположены как по горизонтали (напри-

мер представители разных профессий), так и по вертикали (в зависимости от уровня благосостояния, власти, образования, досуга и потребления). В целом они образуют единую систему, однако кто, когда и, главное, для какой цели разделил общество на социальные группы – остается неизвестным и по сей день.

Существует множество теорий, которые пытаются дать ответы на эти вопросы. Так, основоположник экономической теории Адам Смит видел причину образования классов в разных источниках дохода у крестьян, буржуа и рабочих; Карл Маркс – в общественном разделении труда; английский социолог Герберт Спенсер – в принадлежности к тем или иным частям общественного организма; немецкий экономист Густав Шмоллер – в разделении профессий; Евгений Дюринг – в насилии, а социолог Макс Вебер считал, что главным фактором образования классов является власть и престиж.

То есть при всем различии в деталях эти теории имеют одну общую черту: причина дифференциации общества в их интерпретации так или иначе носит сугубо экономический характер. Полагаю, что истоки такого единодушия во взглядах заключаются не в том, что найдено единственно правильное объяснение, а в том, что все эти учения возникли в буржуазную эпоху, когда главным стимулом становятся деньги. Видимо, их авторы, будучи представителями своего времени, просто не могли себе представить, что в мире может быть что-то более значимое, чем имущественный интерес. Вместе с тем считать, что деление общества на сословия и классы в древности могло происходить в связи с имущественным неравенством, значит, приписывать доисторическому человеку буржуазные стимулы.

Я думаю, стимулы человека на этом этапе развития могли быть связаны только с проблемой выживания, а значит, с религией как с фактором, заменившим человеку рефлекс. Недооценка роли религии в современном обществе вызвана тем, что в интерпретации марксизма она является исключительно средством одурачивания необразованных масс. Поэтому считается, что в древности она была специально придумана для того, чтобы обслуживать интересы имущих классов. Но если такая оценка религии отвечает представлению о ней в буржуазном обществе, то по отношению к обществу первобытному она является явным упрощением. Как мы могли убедиться, религия – это самый сложный психологический феномен, составляющий самую основу человеческой жизни. Поэтому и причины дифференциации общества тоже следует искать в предписаниях религии.

Мы знаем, что когда человек не ограничен ничем, кроме моральных запретов, он может эти запреты нарушать. То есть, как мы уже выяснили, осознание обществом необходимости соблюдения правил морали только создало ситуацию динамического равновесия между силами,

направленными на разобщение, и силами, стремящимися к единству. Причем без гарантии его поддержания. Поэтому, чтобы силы, стремящиеся к единству, преобладали над силами, стремящимися к разрушению, и создается специальный общественный институт, задача которого – выработка механизма, обеспечивающего беспрекословное подчинение индивида коллективу.

Историческая практика знает два института, которые надстраивались над членами общества с целью утверждения правил морали. Это институт жречества и институт правителей. Жрецы являлись хранителями исходящих от высшего авторитета духовных традиций, сформированных на основе своего культа. Правители занимались практическим воплощением этих традиций.

Архетип такой системы был раскрыт еще Платоном. По мысли философа, общество естественно делится на три сословия – мудрецов, воинов и демиургов (сюда входят торговцы, ремесленники и другие свободные общинники). Каждое из этих сословий поклоняется своему богу: сословие мудрецов – нравственному Закону, воинов – неограниченной власти, демиургов – неограниченному потреблению. Поэтому, чтобы общество было жизнеспособно, оно должно иметь иерархическую структуру и строиться по аналогии с организмом, в котором ум и сердце преобладают над желудком и органами выделения. То есть возглавлять общество должны мудрецы, руководить им – воины, а остальные члены общества обязаны следовать установленному порядку и заниматься созданием материальных благ.

Следует особо подчеркнуть, что, говоря о трех сословиях, необходимо, вслед за Платоном, иметь в виду не столько три социальные группы, сколько три психологических типа, которые и образуют в конечном счете эти социальные группы. К первому типу относятся те, кто является носителями идеи всеобщего блага, ко второму – лишенные чувства страха люди чести, призванные проводить эти идеи в жизнь, к третьему – одержимое эгоистическими интересами большинство. Такое общественное устройство обеспечивает приоритет нравственного начала, а приоритет нравственного начала, в свою очередь, обеспечивает жизнеспособность общества.

Классический пример подобного иерархического строения общества мы находим в Индии. Там, как известно, в соответствии с системой каст высшее положение в обществе занимала каста брахманов, то есть тех же мудрецов, за ней следовала каста кшатриев – воинов и политиков, третья сословие составляла каста вайшьев, или торговцев, к четвертой относились шудры – рабы, чернь.

Но и другие древние общества с той или иной степенью приближения тоже были созданы по этой схеме. В Египте власть фараона была существенно ограничена властью жрецов. Обособленным сословием, со-

существующим с царской властью, были вавилонские халдеи. У греков роль жреца выполнял Дельфийский оракул, указаниям которого беспрекословно подчинялись. В Риме существовали специальные жреческие коллегии. А у кельтов, наряду с военными вождями и предводителями племен, большим политическим влиянием пользовались друиды (таков случай Мерлина и Артура: друид Мерлин – воспитатель и мудрый советчик короля Артура).

Таким образом, чтобы система нравственных правил могла действовать, необходимо выполнение двух условий: наличие высшего авторитета и строгая иерархия сословий, в которой третье сословие подчиняется второму, а второе – первому. Думаю, что стабильность, которая отличала все традиционные общества древности, позволяя им в неизменном виде существовать тысячелетиями, была обусловлена именно соблюдением этих двух условий.

7

Процесс крушения традиционной системы отношений начинается сразу после смерти Александра Македонского в конце IV века до н. э. и продолжается в течение всей эпохи эллинизма, вплоть до воцарения христианства в качестве мировой религии в IV веке н. э. Что же произошло за этот период?

В первую очередь, в результате завоевательных походов были стерты границы старых государств. Огромные территории, в которые, кроме Балканского полуострова, входили страны Ближнего Востока, Средней Азии, северной Африки и Индии, были поделены на три части во главе с династиями диадохов: Антигонидов в Македонии, Селевкидов в Сирии и Птолемеев в Египте.

Далее, как следствие крушения всех племенных и государственных граней, началось активное перемещение народов. Причем процесс еще более интенсифицировался после завоевания этих территорий Римом и включения различных областей в единую державу. Если раньше каждый народ находился на своей территории под покровом своих богов, то теперь образовалась огромная масса смешанных по этническому составу людей. На дорогах империи можно было встретить идущих пешком в разных направлениях ремесленников, площадных актеров, прорицателей, бродячих философов, наемников, вольноотпущенников, рабов и рабынь, воинов и ремесленников и других оторванных от своих родовых корней людей.

Понятно, что древние боги, которые были авторитетны в границах своих территорий и определяли порядок жизни того или иного племени, для этой массы людей теряли свое значение. В патриархальных обществах, где каждый шаг человека был строго регламентирован, где соци-

альное положение его, унаследованное от предков, было определено от рождения до смерти, а любые изменения в принципе невозможны, он точно знал, что хорошо и что плохо, что есть добро и что есть зло, чьи боги истинны, а чьи ложны. Однако, когда традиционные связи рухнули и древние правила жизни действовать перестали, человек оказался в состоянии растерянности и внутреннего разлада. Он понял, что этим миром управляют другие боги.

Кроме того, в этот период происходит процесс активной эллинизации, что в еще большей степени способствует забвению людьми их родовых богов. Греческий язык становится общеупотребительным. Вавилонские (Берос), египетские (Манефон), иудейские (Филон Александрийский, Иосиф Флавий) авторы пишут свои труды на греческом языке. На греческий язык переводится Ветхий Завет. Среди иудеев в Палестине и диаспоре возникает пропагандирующее греческую культуру и образ жизни течение грекофилов.

Однако, став для жителей империи общими, греческие боги, тем не менее, не стали для них своими. Несмотря на то, что в Сирии, Финикии, Северной Аравии, где после завоеваний Александра Македонского распространилась греческая культура, здания украшались барельефами и мозаиками с изображением сцен из греческих мифов, молитвы свои жители этих провинций к ним не обращали. Да и в самой Греции строительство храмов, воздвижение статуй богам-покровителям городов давно уже напоминало декорацию и было данью традиции, не затрагивающей религиозные чувства.

Таким образом, в результате разрушения племенных границ языческая религия утрачивает власть над сердцами и превращается в казенную, сухую догму. И здесь возникает ситуация, когда человечество впервые оказывается на грани катастрофы. Я имею в виду падение Римской империи. Современные историки видят его причины в бесконтрольности и слабости армии, в упадке среднего землевладения, в галопирующей инфляции, в разорении среднего класса. Мне думается, что все это следствия, причина же одна – это сведение реальной религиозности к пустой обрядности и тем самым нарушение первого условия, необходимого для соблюдения моральных норм, – искренней веры в существование высшего духовного авторитета.

В результате вместо истинной духовности римское общество получает культ императора, присвоившего себе статус божества, который становится официальным во всей империи. «В надписи из города Приены, относящейся к 9 г. до н.э., Август прямо назван богом. Гению императора воздвигаются святилища, появляется особое жречество, обслуживающее этот культ. Становится обязательным поклонение статуям императора, а день его рождения отмечается по всей империи как официальный праздник» [14.20].

Если считать нравственный кодекс, содержащийся в заповедях Моисея, универсальным, то обожествлением императорской власти были нарушены сразу две заповеди: «*да не будет у тебя других богов*» и «*Не делай себе кумира*». Иными словами, были преданы забвению истинные боги и взамен им создан ложный кумир. В этой ситуации морально-этические нормы оказываются необязательны и перестают соблюдаться. Поэтому убийства (ни один из императоров династии Юлиев-Клавдиев не умер естественной смертью), прелюбодеяния, воровство, лжесвидетельства и посягательство на чужую собственность, - словом, все, что запрещала этическая часть заповедей Моисея, становится в Риме повседневной практикой.

Погрязшие в роскоши и разврате, окруженные толпами раболепствующих льстецов римские императоры просто упустили из рук государственное управление. Отсюда бесконтрольность и слабость армии, галопирующая инфляция, разорение среднего класса и другие факторы, которые считаются причинами падения Рима. И хотя инерция могучего государства, возвысившегося именно благодаря строгости моральных норм, позволила Риму продержаться еще четыреста лет, это была уже только затянувшаяся агония.

8

Итак, мы увидели, что падение авторитета религии приводит общество, через деградацию нравственных основ, к неизбежной катастрофе. Однако еще более яркий пример катастрофы, связанной с деградацией нравственных основ, можно наблюдать в связи с происходившим на исходе средневековья выдвиганием на первые роли в общественной иерархии третьего сословия.

Как известно, начиная с IV века, когда официальной религией Римской империи становится христианство, духовная ситуация в мире существенно меняется. Если государственный культ, предшествовавший христианству, представлял собой казенную догму, то христианство принесло человеку ту долгожданную веру, которая дает точку опоры и сообщает его жизни цель и смысл.

Христианство стало мировой религией не потому, что было насаждено сверху, а потому, что выдержало сложнейшую конкурентную борьбу с множеством других, претендовавших на ту же роль культов и религиозных систем. Впервые христианство зародилось в Палестине в I в. до н. э., в то самое время, когда в условиях утраты духовных ориентиров жители империи стали примерять на себя культы чужеземных древних богов. Создаются религиозные союзы почитателей фригийской Кибелы и Аттиса, египетских Исиды и Сераписа, в Малой Азии появляются общины почитателей иранского бога Солнца Митры. Из греческих

богов особо почитается древний бог виноградарства Дионис, отождествляемый с растерзанным титанами, а затем воскрешенным сыном Зевса Загреем. Широкое распространение получает движение орфизма. Возникают новые культы, такие, например, как гностицизм, представляющий собой смесь античных и восточных представлений. Словом, претендентов на статус истинной веры оказывается более чем достаточно, но только христианству удается проникнуть в самые интимные тайники страждущей человеческой души.

Дело в том, что христианство по сравнению с другими культами обладало тремя несомненными преимуществами. Во-первых, в лице неоплатонизма оно имело мощную мировоззренческую базу, опирающуюся на лучшие достижения античной мысли, и, значит, было в высшей степени авторитетно и убедительно. Во-вторых, христианский бог не был богом, представлявшим какое-то конкретное явление природы, как, например, бог Солнца Митра или бог виноградарства Дионис. Он был единым богом вселенной и в этом смысле как нельзя лучше подходил в качестве бога всех племен и народов независимо от языка, традиций и места пребывания. И, в-третьих, христианская доктрина обладала разработанной этической системой, логично вытекающей из системы мировоззрения, и, значит, могла объяснить не только, что представляет этот мир, но и как в этом мире жить.

Таким образом, благодаря христианству духовный вакуум, образовавшийся после гибели языческих богов, был, наконец, заполнен и исконный порядок восстановлен. Во главе европейского мира встала церковь, а руководство государствами стало осуществляться духовно подчиненными церкви правителями – императорами. Отныне народы, говорящие на разных языках, имеющие разные традиции, нередко даже пребывающие друг с другом в состоянии войны, образовали единую общность, исповедующую единую систему нравственных ценностей. Теперь, как пишет Романо Гвардини, если где-то и совершалась несправедливость, она совершалась с нечистой совестью, и потому допустивший ее человек знал об этом и судил себя посредством тех же критериев, которые бытовали в обществе [4.136].

Конечно, это не значит, что христианская религия безупречна и не содержит в себе противоречий. Видимо, утрата ею со временем своего влияния как раз и свидетельствует об их наличии. Однако для нас важен только тот факт, что религия – языческая или христианская – представляет собой естественно возникший и физиологически необходимый феномен, заменяющий человеку рефлекс, и следовательно, является единственно возможным источником морали. Что же касается характера самой религии, то эта тема к нашему исследованию отношения не имеет и анализироваться нами не будет.

Третье сословие начинает выдвигаться на первое место в общественной иерархии в конце X века. В городах Западной Европы возникает движение городских общин за освобождение от феодальной зависимости, в результате которого города объявляют себя республиками. Движение начинается в городах средиземноморского побережья и к XII веку охватывает всю Европу.

Сначала свобода и политические права городов ограничиваются рамками коммунальной хартии, которую они вынуждены заключать со своими сеньорами. Но к концу XII века представители городов уже принимают участие сначала в королевских, а потом и в общих собраниях генеральных штатов, где они заседают наряду с феодальными владельцами и прелатами.

Уже в конце XV и начале XVI века многие буржуа начинают покупать те общественные должности, которые до этого могли занимать только дворяне. В результате представители третьего сословия не только занимают практически все церковные, гражданские и судебские должности, вплоть до канцлера-хранителя печати включительно, но и получают право на дворянское звание.

К XVIII веку буржуа становится таким же барином, как и дворянин. Он является, по выражению И. Тэна, «всеобщим кредитором» и поэтому и правительство, и высшие классы у него в руках. Парламентские советники, адвокаты, денежная аристократия, судебские – все являются представителями третьего сословия. Достаточно сказать, что XVIII век выдвинул таких буржуа, как Вольтер и Руссо. Уделом дворян остается только бедность и гордость.

Наконец, 17 июня 1789 года во Франции, высказавшись за поголовное голосование в Генеральных штатах, третье сословие потребовало уничтожения всех феодальных прав и аристократических привилегий. С этого момента старое сословное деление исчезает и появляются два новых класса – буржуазия и народ.

Так за какие-то 800 лет происходит полная трансформация общества, в результате которой недавняя «чернь» становится «солью земли» и хозяевами жизни. Причина трансформации проста. Это деньги. Дело в том, что до конца XIII века в средневековой Европе существовал канонический запрет на ростовщичество. Он действовал в соответствии с требованием Библии, где в главе 23 «Второзакония» прямо сказано: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост».

Ростовщичество считалось аморальным потому, что ростовщик получал деньги, не прикладывая труда, то есть обманом. Еще в XI веке ростовщичество приравнивалось христианами авторами к грабежу, а в

1139 году и Второй Латеранский собор признал любые формы ростовщичества запрещенными. Однако на рубеже XI-XII веков начала интенсивно развиваться торговля. И поскольку запрет на взимание процентов делал невозможным кредит, этот запрет был отменен. После этого исконное стремление третьего сословия к неограниченному потреблению получает полную свободу.

10

Вместе с влиянием, оказываемым на общество своей деятельностью, третье сословие привносит в него также и свою идеологию. После куртуазных романов, героями которых были благородные рыцари и прекрасные дамы, самым востребованным в литературе жанром становится жанр низовой. В Италии это «Декамерон» Д. Боккаччо, во Франции – фавлю, в Англии – «Кентерберийские рассказы» Д. Чосера, в Испании – плутовской роман. Их герои – жулики, проходимцы и авантюристы, ловко обманывающие добропорядочных обывателей, простодушных рыцарей или незадачливых чиновников. В обществе начинают царить идеалы лавочников. О том, насколько неуместны в этой среде становятся рыцарские честь и доблесть, свидетельствует печальный роман Сервантеса «Дон Кихот».

Постепенно происходит пересмотр всех традиционных ценностей. Ограничения религиозного и нравственного порядка отменяются. То, что в условиях церковной этики было немыслимо, становится не только возможно, но и востребовано. В 1432 году итальянский эпикуреец Лоренцо Валла пишет трактат «О наслаждении», в котором откровенно прославляются чувственные удовольствия. В романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» звучит гимн желудку, кишкам, глотанию, сосанию, пищеварению, обжорству, совокуплению, испражнениям и другим «естественным» проявлениям. В обществе царит ощущение, что все позволено. Причем, в Италии нравы третьего сословия начинают преобладать не только среди представителей самого третьего сословия, но и пронизывают все общество, включая дворянство и духовенство. Так наступает эпоха Возрождения.

Мы привыкли оценивать это время в превосходных степенях, связывая его с великими именами Данте, Петрарки, Джотто, Микеланджело, Рафаэля и Леонардо. На самом же деле роль Ренессанса для нашей цивилизации далеко не столь однозначна, как это порой представляется. Действительно, снятие ограничений и возникновение ситуации «все позволено» открыло простор для развития искусства, философии и науки. Но то же обстоятельство явилось причиной невиданного аморализма и распушенности, столь же характерных для Италии XIV-XVI веков, как и расцвет явлений культуры.

Вот только несколько примеров, взятых из монографии А.Ф. Лосева «Эстетика Возрождения». Как пишет этот автор, ссылаясь на историков Возрождения Я. Буркгарта, Ф. Монье и Р. Зайчика, разгул страстей, своеволия и распущенности в возрожденческой Италии достигает невероятных размеров. Священнослужители содержат мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома. Монахини читают «Декамерон» и предаются оргиям. В Риме в 1490 году насчитывалось 6800 проституток, в Венеции – 11 тысяч. Тогдашние писатели сравнивают монастыри то с разбойничьими вертепами, то с непотребными домами. В церквях пьянствуют и пируют, перед чудотворными иконами развешаны по обету изображения половых органов, исцеленных этими иконами. Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа собирают на свои ночные оргии до 50 проституток. В Милане герцог Галеаццо Сфорца услаждает себя за столом сценами содомии [6.120].

Кроме того, весь этот период заполнен непрекращающимися междоусобными войнами, в которых интриги, тайные и явные убийства, казни, погромы, пытки, заговоры, поджоги и грабежи становятся обычной повседневной практикой. В 1513 году флорентийский политик Никколо Макиавелли пишет трактат «Государь», в котором разрабатывает теорию захвата и удержания власти. По его мысли, правитель должен быть хитрым, как лис, и свирепым, как лев. Для достижения своих целей он может использовать вероломство, клятвопреступления, жестокость, убийства, обман.

В главе «О том, как государям следует выполнять обещания» Макиавелли пишет: «Лишним будет говорить, насколько почитаются в государстве верность данному обещанию, прямота и честность. Но мудрый правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это наносит вред его интересам... Государю не обязательно иметь все упомянутые достоинства... Иметь эти достоинства и неукоснительно им следовать вредно, тогда как делать вид, что обладаешь ими – полезно. Перед людьми надо являться милосердным, верным обещаниям, милостивым, нелицемерным, благочестивым... но в то же время сохранить внутреннюю готовность обнаружить и противоположные качества, если это будет нужно» [7.82].

Этот теоретический аморализм является своего рода ключом к пониманию причин происхождения тех нравов, которые царили в это время в политической жизни Италии. А нравы здесь царят удивительные. Так, неаполитанский король Ферранте сажает своих врагов в клетки, откармливает их, а затем отрубает им головы и приказывает засаливать их тела. Миланский герцог Мариа Сфорца закапывает своих жертв живыми. Его брат, Лодовико Моро, лишает власти своего несовершеннолетнего племянника Джованни Галеццо и через некоторое время отравляет его. Когда в мае 1409 года во время военных действий народ в Милане

встретил герцога Джованни Мариа криками «Мира! Мира!», герцог выпустил наемников, усеявших город трупами, а его собаки разрывали людей на части. В 1497 году Цезарь Борджиа убивает своего брата герцога Гандиа, после того, как оба они поужинали в доме своей матери Ваноцци. Вскоре Цезарь отравляет за трапезой своего двоюродного брата кардинала Джованни Борджиа. В 1500 году Альфонс Арагонский, муж сестры Цезаря Лукреции Борджиа, найден в постели задушенным. В Риме каждую ночь находят убитыми до четырех-пяти человек, преимущественно прелатов и епископов, и все знают, что это дело рук Цезаря. И число таких примеров, как пишет А.Ф. Лосев, могло бы быть увеличено до бесконечности [6.126].

В этой ситуации, в распрях между правителями итальянских государств, обычной становится практика призывать на помощь иностранные державы. Поэтому не приходится удивляться, что, в конце концов, все это заканчивается потерей Италией в 1527 году своей независимости. Причем погрязшую в безнравственности Италию завоевывает именно Испания, где сильная церковь сочетается с сильной королевской властью, в то время как Франция, тоже претендовавшая на итальянские территории, будучи расколота Реформацией, эту войну проигрывает. Таким образом, падение нравов, наступившее в результате возвышения третьего сословия, положило конец независимости Италии точно так же, как гибель древних богов и обожествление императорской власти положило конец Римской империи.

11

Если в Италии возвышение третьего сословия привело к пересмотру традиционных ценностей и, как следствие, к утрате независимости, то в Северной Европе результат возвышения третьего сословия был совершенно другим.

В 1484 году, обеспокоенный падением авторитета церкви в связи с событиями в Италии, Ватикан публикует буллу папы Иннокентия VIII, предписывающую ужесточение борьбы с еретиками. С этого момента в течение 300 лет самым увлекательным занятием в таких странах, как Германия, Франция, Англия, Шотландия, частично Голландия и Италия, становится сжигание ведьм. В результате этого увлечения были замучены и сожжены на кострах более 200 тысяч человек. По подсчетам Джорджа Л. Барра, в одной только Германии погибло не менее 100 тысяч. В Швейцарии исчезли целые деревни, в Лотарингии путешественники описывают тысячи столбов с привязанными к ним ведьмами. «Германия полностью покрыта кострами», – писал один из судей над ведьмами в 1600 году [12.11].

Принято считать, что эта позорная страница в истории Западной цивилизации является следствием религиозного фанатизма и невежества и полностью лежит на совести инквизиции. Однако не стоит забывать, что это время, когда творили Шекспир и Монтень, Френсис Бэкон и Декарт. Писал свою «Похвалу глупости» Эразм Роттердамский, грезил страной «Утопией» Томас Мор. Кроме того, сами теоретики демонологии, сочинявшие руководства по преследованию ведьм, были образованнейшими людьми эпохи, а один из них, юрист и философ Жан Боден, даже удостоился похвал Монтеня.

Что же касается инквизиции, то и ее роль в этой истории тоже сильно преувеличена. Согласно установлению, введенному в практику еще в 1231 году, вынесение приговоров и казни вообще не входили в ее компетенцию. Управление судебными процессами по делу еретиков в большинстве случаев передавалось инквизицией в руки светских властей. А после 1500 года на светские и епископские суды была возложена миссия по их преследованию.

Таким образом, ни невежеством, ни религиозным фанатизмом невозможно объяснить длящиеся в течение 300 лет непрерывные массовые казни ни в чем не повинных людей. Зато их можно очень легко объяснить коммерческой выгодой. Дело в том, что в 1199 г. папа Иннокентий III разрешил конфискацию имущества еретиков. С тех пор суды над ведьмами стали самым доходным предприятием, обеспечивающим не только рост барышей у местных властей и судебных чиновников, но и заработок всем, кто так или иначе был связан с процедурами судов и казней в силу своих профессий.

Мало того что конфискации подлежало все имущество осужденных. Обвиняемые или их родственники должны были платить также жалованье и чаевые палачам, врачам, священникам, писарям, стражникам и всему обслуживающему персоналу. Любой банкет, проводившийся судьями, должен был оплачиваться обвиняемым. Рабочие, возводившие столбы и эшафоты, привозившие лес и смолу для казней, имели прибыль от каждой ведьмы. Палач разъезжал на чистокровной лошади, купался в золоте и серебре, а его жена богатством своих нарядов соперничала с благородными дамами [12.20].

Кроме того, в это время распространенным явлением становится взятка: за деньги можно было откупиться и от пытки, и от смерти. Известный врач и чернокнижник Корнелиус Агриппа писал: «Здесь (в Милане) никого не удивляет, если инквизиторы заменяют физическое наказание денежным штрафом, ибо подобные действия приносят значительный доход. Некоторые платят ежегодную дань. Если они прекращают платить, то снова предстают перед инквизицией. Более того, когда собственность еретиков конфискуется в общественную казну, инквизитор получает от нее хороший процент. Наконец, единичное обвинение, по-

дозрение в ереси или чародействе влекут за собою дурную славу, от которой можно освободиться, только дав инквизитору много серебра. В то время как я был в Италии, большинство инквизиторов герцогства Милан штрафовало подобным образом многих благородных дам, равно как и бедных, но честных женщин, запуганных до смерти, и получало огромные суммы денег» [12.181].

Характерно, что в тех местах, где конфискации были запрещены, казней было много меньше. Так, если во Франции и Германии, где имущество еретиков принято было конфисковывать, счет жертв шел на десятки тысяч, то в Англии, где конфискация не проводилась, число казней было в сотни раз меньше. То же касается и других европейских автономий. После того, как в Бамберге в 1630 году император запретил судам присваивать собственность, преследования ведьм тут же пошли на убыль: если с 1626 по 1629 в год сжигалось в среднем по сто человек, то в 1630 сожгли уже 24 человека, а в 1631 – вообще ни одного. После запрета конфискации в графстве Юлиесберг ведьм здесь не судили больше никогда. По той же причине меньше казней, чем в других частях Империи, было и в Кельне.

И здесь возникает вопрос: если европейское общество не считало зазорным наживаться на казнях невинных людей, то почему эта практика начала применяться только в XV веке? Известно, что смертная казнь за ересь была введена гражданским кодексом еще в 430 году. Почему же до конца XV века она, за редким исключением (альбигойцы, вальденсы), никогда не применялась массово?

Дело в том, что до XV века все должности в структурах власти были заняты представителями дворянского сословия. Поэтому главным стимулом для преследования еретиков в это время была чистая идеология. Но, как мы знаем из ранее сказанного (см. раздел 9), начиная с конца XV века, вводится практика покупки церковных, гражданских и судебных должностей за деньги. В результате должности парламентских советников, адвокатов, судебных вместе с правом на дворянское звание начинают приобретать представители третьего сословия. И именно с этого момента дела по фабрикациям фальшивых обвинений в колдовстве ставятся на поток, а стимулом для преследования еретиков оказывается не идеология, а банальная алчность. Таким образом, можно не сомневаться, что основной причиной явления, получившего в истории название «колдовская истерия», было выдвижение во власть представителей третьего сословия.

С тех пор подозрения, сплетни или оговор считаются достаточными основаниями для обвинения. Уже упоминаемый нами юрист и философ Жан Боден говорил: «Если преступления носят скрытый характер, рекомендуется считать предположения и догадки достаточными доказательствами» [12.65]. О греховности человека судят по наличию у него

родимых пятен, жирювиков или даже просто мозолей. В Шотландии сожгли как ведьму женщину за то, что она погладила кота. В Бостоне была повешена эмигрантка, потому что не могла прочесть «Отче наш» по-английски. В Англии казнили мать и дочь на основании обвинений десятилетней девочки.

Постепенно процедура стандартизируется: вначале донос выявляет еретика, потом еретик доносит на своих «сообщников», а далее «сообщники» доносят на следующих сообщников и так до бесконечности. При этом не имеет никакого значения, известен ли обвиняемый как человек добродетельный или как безбожник. Если он безбожник – его вина не нуждается в доказательствах, если добродетельный – значит, притворяется, чтобы скрыть свою связь с дьяволом. Избежать казни в любом случае не удастся никому.

Основной способ получения признания – пытки. Не существует никаких ограничений ни по жестокости, ни по продолжительности пыток. Обвиняемого пытаются до тех пор, пока он либо не признаётся, либо не умирает. Самые жестокие пытки применяются для того, чтобы заставить обвиняемого сообщить имена сообщников. Причем, обычно они подсказываются судьями [12.18].

Этот кошмар заканчивается в середине XVIII века. Но причиной его окончания было вовсе не вступление Европы в век Просвещения, как обычно принято думать, а просто исчерпанность метода охоты на ведьм как источника получения дохода. Еще в 1375 году инквизитор Эймерик жаловался, что не осталось больше богатых еретиков, и высказывал опасение, что предприятие придется свернуть [12.12]. Неудивительно, что в конце концов казни потеряли всякий практический смысл: конфисковать было нечего и не у кого.

12

Но что представляет собой моральный облик европейского общества сегодня? Как изменился он с 1789 года, когда третье сословие получило политическую власть? Каким богам молится теперь европейский человек? Что ему дорого?

В истории мысли есть некий факт, который имеет самое непосредственное отношение к психологии третьего сословия и дает ключ к ответам на эти вопросы. Как известно, эпоха Возрождения дала мощный импульс человеческой деятельности в направлении раскрытия тайн мироздания. В дальнейшем этот импульс получил развитие в двух областях: в науке и философии. В науке он привел к открытию Коперником гелиоцентрической системы, Галилеем – законов динамики, Ньютоном – закона всемирного тяготения. В философии – к созданию ряда великих

системообразующих учений от Декарта до Канта и классической немецкой философии XIX века.

Но вот что интересно. Если импульс, направленный на развитие науки, получил свое триумфальное продолжение и в XX веке, то философия заканчивается в веке XIX. Фактически после А. Шопенгауэра не возникает ни единой оригинальной системы. Философия как бы умирает. Сначала она вырождается в философию науки (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд) и в социальную психологию (экзистенциализм, персонализм), а затем и вовсе превращается в историю философии. Что же касается ее главного предназначения – быть мировоззрением, способным давать ответы на «проклятые» вопросы жизни, то здесь она утрачивает свои позиции полностью.

Возникает вопрос, почему? Может, потому, что все истины открыты и сказать больше ничего? Так нет же. Даже вопрос «как возможно познание?», которым открыл философскую дискуссию еще Декарт, ответа до сих пор так и не получил.

Может, причина в том, что по мере развития науки философия стала просто не нужна? Действительно, к середине XIX века в обществе появляется стойкое убеждение, что философские системы, разработанные предшествующей философской мыслью, не могут конкурировать с наукой, представляющей собой основанное на эксперименте точное знание. Как охарактеризовал эту ситуацию А. Швейцер, «окрепшие к этому времени естественные науки взбунтовались и с поистине плебейской жадностью правды... до основания разрушили созданные фантазией великолепные сооружения» [15.45]. В результате возникший примерно в то же время позитивизм объявляет философию пройденной ступенью человеческого познания.

Но так ли это? Действительно ли сегодняшняя наука может заменить философию? Известно, что представление об устройстве мироздания мы черпаем из физики, а современная физика полностью базируется на математике. Но математические модели современной физики ничего не говорят о реальных процессах, которые за ними стоят. По образному выражению К.А. Свасьяна, судить об устройстве мира по тому, как его описывает математика, все равно, что объяснять гамлетовский монолог путем перечисления входящих в него «подлежащих, предикативов наречно-прилагательного типа, двоеточий, тире и точек с запятой» [13.54]. Иными словами, при помощи математики можно предсказать (и то приблизительно), в какой последовательности будет развиваться тот или иной процесс. Но что это за процесс, какова его физическая природа, об этом математика молчит.

Но если метод науки не позволяет ответить на вопрос, какова физическая природа наблюдаемых наукой явлений, то почему перестал развиваться метод философский, как раз и призванный давать объясне-

ния непонятным явлениям? Почему не заняться интерпретацией тех новых фактов, которые раскрываются перед наукой? Такой симбиоз науки и философии мог бы быть очень плодотворным. Тем не менее этого не происходит. Почему?

Я думаю, ответ на этот вопрос очевиден: буржуазное общество не интересуется проблемой устройства мира, поскольку это знание не дает никакой практической пользы. Буржуазии не нужна не только философия, но и наука. Ей нужна технология. С наукой она вынуждена мириться как с неизбежным злом, потому что без науки (по крайней мере прикладной) техники не бывает.

В свое время философия была востребована обществом потому, что она отменила религию. Если в средние века христианское вероучение, утвержденное церковью как божественное Откровение, воспринималось в качестве безусловной истины, то с появлением философии главным арбитром становится разум. А если разум решает, что истинно и что ложно, что есть добро и что есть зло, то обращение к авторитету просто теряет всякий смысл.

С тех пор роль религии как мировоззрения, призванного объяснить, что такое мир и как в этом мире жить, берет на себя философия, а на смену простой и по-человечески понятной христианской этике приходит крайне субъективная и оттого малоприменимая в практической сфере этика философов. Именно такую этику мы и находим у Канта и Гегеля, Фихте и Шопенгауэра.

Тем не менее вплоть до XIX века в философских системах присутствие бога сохраняется, хотя это уже сугубо философский бог, не имеющий ничего общего ни с одной из известных религий. Но, когда появляется техника, необходимость в философии отпадает вообще, возникает ситуация, охарактеризованная Ф. Ницше фразой «Бог умер», и наука занимает место мировоззрения.

Поэтому как философия отменяет религию, так наука отменяет философию. Идет процесс разрушения старых, феодальных форм и образования новых, буржуазных. Процесс бессознательный, просто отвечающий потребностям буржуазной психики, у которой свои резоны. Она освобождается от того, что ей мешает, и развивает то, что соответствует ее глубинной сущности.

Следует сказать, что в качестве мировоззрения наука соответствует интересам третьего сословия еще и потому, что не содержит в себе этической составляющей и, значит, не налагает никаких моральных обязательств. Человек становится обладателем полной, ничем не сдерживаемой свободы, что позволяет любые идеи воплощать в жизнь практически без всяких ограничений. Причем особое значение это обстоятельство приобретает в связи с развитием техники, что дает в руки человеку неограниченную власть.

С другой стороны, она оказывает косвенное влияние также и на формирование человеческой психики. Поскольку в буржуазном обществе наука ориентирована исключительно на создание так называемых материальных благ, она одним фактом своего существования воспитывает человека как потребителя этих благ. В результате, как этого и добивалось третье сословие, появляется популяция особей, все душевные, духовные и интеллектуальные усилия которых направлены на то, чтобы потреблять как можно больше.

Так возникает тип массового человека, безразличного к нравственным нормам, равнодушного к теоретическому знанию, ориентированного на безграничное потребление и уверенного в своем праве на любые действия, направленные на удовлетворение собственных потребностей. Таким образом, начиная с момента исчезновения в 1789 году сословий как социальных институтов, в третье сословие постепенно превращается весь народ, впитав в себя свойственные этому психологическому типу идеалы и ценности.

13

Нет ничего удивительного в том, что общество, созданное на основе идеалов третьего сословия, оказалось построенным на лицемерии. Причем лицемерие заложено в самую основу созданного таким образом мироустройства.

Как известно, одной из главных своих ценностей третье сословие объявляет демократическую форму правления. Считается, что эта форма обеспечивает равные возможности для всех и потому является самой справедливой. Однако при этом нигде не говорится, что это единственная форма государственного устройства, при которой становится возможным обеспечить массовое потребление, а значит, и гарантированное получение дохода. Таким образом, истинные цели творцов демократии оказываются скрыты, а на всеобщее обозрение, как в рекламе, выставляется красивая обертка.

Второй ценностью западного образа жизни объявляется свободная пресса. Обывателю внушается мысль, что существование свободной прессы – основа демократии, что ее предназначение – это контроль за нравственным обликом избранной путем свободного волеизъявления элиты, а гарантией объективности служит отсутствие цензуры. На самом же деле пресса – это единственно возможный в условиях демократии способ воздействовать на общественное мнение обывателя, держать его под постоянным контролем.

Под воздействием прессы истиной для обывателя становится то, что он вычитывает в «своей газете». Что же касается отсутствия цензуры, то не подлежит сомнению, что самым мощным цензором являются

деньги. Еще в начале XX века О. Шпенглер писал, что доводы прессы «остаются непроверяемыми до тех пор, пока имеются деньги... Ее аргументы опровергаются как только у контраргументов отыскивается большая денежная сила. В тот же миг магнитная стрелка общественного мнения повертывается к более сильному полюсу. Всяк тут же убеждает себя в новой истине. Происходит внезапное пробуждение от заблуждения» [16.492]. Можно быть уверенными, что за истекшие без малого 100 лет ситуация лучше не стала.

Власть прессы поистине безгранична. Она может сделать правдоподобным любой, самый фантастический миф и может замолчать любую истину. При этом читатель не будет иметь ни малейшего представления ни о том, какая роль отводится в этой игре ему лично, ни о том, какие истинные цели при этом преследуются. Будучи марионеткой в чужих руках, он будет думать, что является гражданином, совершающим свободное волеизъявление.

Такой обработке подвергаются целые народы. Их мировоззрение формируется в полном соответствии с тем бизнес-планом, который разрабатывается за тысячи километров от места их проживания. При помощи средств массовой информации, а также купленных за деньги местных предателей их сначала оболванивают, а потом, как это случилось в недавней истории Украины, Грузии и Кыргызстана, устанавливают там удобные для себя режимы. У западных политиков это называется «прививать ценности демократии».

Так за фасадом внешней респектабельности творятся гнуснейшие дела – растет уровень насилия, в погоне за ресурсами провоцируются военные конфликты, нагнетается гонка вооружений, ради прибыли вырубаются леса, отравляются водоемы, заводы выбрасывают в атмосферу тысячи тонн отравляющих веществ. Так и хочется вспомнить Макиавелли с его советом: «Перед людьми надо являться милосердным, верным обещаниям, милостивым, нелицемерным, благочестивым... но в то же время сохранить внутреннюю готовность обнаружить и противоположные качества, если это будет нужно».

Яркой иллюстрацией сказанного является так называемый мировой финансовый кризис. Нам объясняют, что его причиной стали мошеннические операции с ипотечными кредитами ряда американских банков, и даже отдают на растерзание нескольких банкиров, объявляя их преступниками и возбуждая против них уголовные дела. Однако все это – лишь способ замаскировать позорную истину, которая заключается в том, что главным мошенником является вся финансовая система США, которая в течение многих лет торговала ничем не обеспеченными долларами и получала баснословные прибыли. Так что мировой финансовый кризис – вовсе не финансовый. Это кризис нравственности, кризис порядочности. Он наступил не потому, что перестали оплачиваться ипо-

течные кредиты, а потому, что количество вранья в мире превысило все мыслимые пределы.

Таким образом, характерные для XX и XXI веков кризисные явления были вызваны прежде всего кризисом сознания, который, в свою очередь, был обусловлен отсутствием в обществе четких и ясных представлений о добре и зле. Человек больше не знает, в каком мире он живет, как в нем жить, что можно и чего нельзя. Он просто удовлетворяет свои потребности, даже не задумываясь над тем, к каким последствиям его действия могут привести. И чем больше у него возможностей для удовлетворения потребностей, тем опаснее могут быть последствия. Одно дело, когда деятельность безнравственного субъекта ограничена пределами его ростовщической конторы, как у бальзаковского Гобсека, и совершенно другое, когда в его руки попадает мощная техника. Говорят, когда известному физика Энрико Ферми сказали, что его деятельность в области ядерной энергетики привела к созданию атомной бомбы и гибели в Хиросиме людей, он ответил, что для него это была всего лишь интересная математическая задача. Как выразился известный исследователь в области трансперсональной психологии Станислав Гроф, человек утратил христианские ценности, а вместе с ценностями утратил и чувство самосохранения.

Правда, считается, что в современном обществе индивидуальный произвол сдерживается правом. Но право не может заменить мораль. Как мы видели, мораль уходит своими корнями в религию, а религия – в природу человека, в его физиологию. Поэтому правила традиционной морали воспринимаются человеком как его собственное достояние. Это именно то, что заменяет ему рефлекс. Нарушение нравственных норм – это измена самому себе, разлад в психике, приводящий к пересмотру всей картины мира. Законы же – это всего лишь принятые в обществе правила игры. Они воспринимаются как чисто внешние ограничения и могут легко нарушиться.

Сейчас уже ясно, что мир, погрязший во зле, обречен. Зло нежизнеспособно, потому что оно уничтожает самоё себя. Поскольку моральный тормоз у третьего сословия отсутствует, уровень агрессии будет расти, пока в какой-то момент мир не лопнет с оглушительным треском. Как пишет Гвардини, «человек вновь стоит лицом к лицу с хаосом; и это тем страшнее, что большинство ничего не замечает: ведь повсюду машины работают, учреждения функционируют, научно образованные люди говорят без умолку» [4.155].

Спасением для современной западной цивилизации могла бы стать только переоценка ценностей, замена материальных приоритетов духовными. Но западное общество изменить эти приоритеты не способно по той простой причине, что состоит из совокупности эгоистически настроенных индивидов, каждый из которых стремится использовать другого в

своих собственных интересах. Поэтому в данном случае спасение может прийти только извне. Как пишет тот же О. Шпенглер, «Капиталистическая экономика опротивела всем до отвращения. Возникает надежда на спасение, которое придет откуда-то со стороны, упование, связываемое с тоном чести и рыцарственности, внутреннего аристократизма, самоотверженности и долга» [16.495].

14

Такое спасение «со стороны», связанное «с тоном чести и рыцарственности, самоотверженности и долга», я вижу только в России. Наверное, не случайно именно России было предназначено спасти мир и от Наполеона, и от Гитлера. Только здесь духовные ценности всегда преобладали над материальными, только здесь святые вещи были выше материальных благ. Поэтому и сейчас мир может быть спасен, если окажется под духовным водительством России, если подчинится ее открытой и справедливой политике.

Пойти на такой шаг человеку Запада будет трудно: он не понимает и никогда не понимал Россию. Больше всего человека Запада поражало, что русские люди, обладая столь колоссальными природными ресурсами, не используют их для наживы. Это обстоятельство всегда удивляло и злило его, и он объяснял это, исходя из своих критериев, российской бесхозяйственностью, неприспособленностью к жизни, никчемностью (что прекрасно отражено И.А. Гончаровым в образах Штольца и Обломова). На самом же деле у человека Запада и у русского человека просто разное восприятие мира.

Западный человек, способный мыслить только в категориях выгоды, оценивает мир с точки зрения его полезности, для русского этот мир – Божий. Западный человек хочет завладеть миром, прибрать его к рукам, русский хочет на него молиться. Для западного человека Россия – это ресурсы, которые можно использовать, для русского – это Родина, за которую не жалко отдать свою жизнь. Поэтому восприятие западного человека материально, русского – духовно. Даже русские купцы в корне отличались от деловых людей Запада. Это люди, которые за свое купечество просили у бога прощения, занимались благотворительностью, строили храмы.

Отсюда извечное стремление Запада покорить, подмять под себя Россию. И дело здесь даже не в территориях и ресурсах (хотя, конечно, и в них тоже). Но самое главное – буржуазный Запад третьего сословия на генетическом уровне чувствует чуждость России, ее опасность для себя. Россия мешает Западу точно так же, как третьему сословию всегда мешала религия и религиозная мораль. Поэтому противостояние России и Запада – это не что иное, как противостояние духа и материи. Попытки

Запада покорить Россию оканчивались неудачей, несмотря на техническое и материальное превосходство, именно потому, что Россия воплощает в себе духовное начало, а дух не может покориться материи. Если бы Россия была столь же прагматична, как Запад, она давно уже была бы покорена. Но материя разъединяет, а дух объединяет. Поэтому в отличие от раздираемого эгоизмом Запада Россия всегда была сильна именно своим единством.

Особенно это видно на примере второй мировой войны. Фашизм – типичное порождение третьего сословия, его крайнее выражение. Это пик аморализма, воплощенное зло. Безразличие к нравственным нормам, стремление к безграничному потреблению и уверенность в своем праве на любые действия, направленные на удовлетворение собственных потребностей, – это и есть те качества, которым мы обязаны концентрационными лагерями и газовыми камерами. И этот фашизм, на который работала вся Европа, оснащенный лучшей техникой, беспощадный, обученный искусству убивать, был побежден вопреки всякой логике истощенной репрессиями страной. Победа России во второй мировой войне – это не просто победа одной страны над другой. Это победа духа над материей, добра над злом.

Все объясняется просто: разница между Европой и Россией заключается в том, что европейская цивилизация – это цивилизация сугубо городская, в то время как Россия – страна крестьянская. Если в Европе развитие городов было связано с развитием третьего сословия, резко противопоставившего себя крестьянству, то в России третьего сословия никогда не было, а города изначально формировались как центры сельской жизни. Что же такое крестьянство и почему его особенность по отношению к третьему сословию создает пропасть между этими двумя психологическими типами?

В первую очередь надо сказать, что крестьянство – самая древняя на земле форма человеческой жизни. Оно существует многие десятки, а может, и сотни тысяч лет, с тех самых пор, как человек научился обрабатывать землю. Но, что самое важное, всю эту бездну времен оно существует в неизменном виде. Даже орудья крестьянского труда за это время изменились мало: еще в начале XX века крестьянин, как в неолите, пахал землю плугом. Такая неизменность образа жизни обусловлена одним-единственным фактором – неизменностью и прочностью традиций, которые сложились еще в незапамятные времена. Эти-то традиции и позволили ему выжить, несмотря ни на какие изменения внешних условий. Что же это за традиции?

Крестьянство вырастает из самой земли естественно, как растение, и такими же естественными являются крестьянские традиции. Тяжелый труд, его однообразный и исключительно напряженный ритм вынуждает крестьянина строить жизнь максимально целесообразно, подчиняя ее

железной дисциплине и исключая праздность. Появляется тип семьи, где царит жесткая иерархия, где младшие беспрекословно подчиняются старшим, а нормы потребления напрямую зависят от вклада каждого члена семьи в общую копилку. Здесь ценятся опыт, умение трудиться, честное отношение к делу. С другой стороны, связь с землей, зависимость от природных стихий побуждают к страстному поиску того высшего начала, которое дает жизнь всему существу и устанавливает незыблемый порядок существования. В результате возникает тип человека сурового, религиозного, справедливого и готового отстаивать родную землю до последней капли крови.

Из крестьянской семьи так же естественно возникает государство. Феодалная Европа – типичное крестьянское государство. Феодал – это, прежде всего, землевладелец, то есть тот же крестьянин. Он так же зависит от погодных условий и плодородности почвы, как и крестьяне. Отсюда и вся иерархия феодального общества, которая тоже строится в соответствии с иерархией крестьянской семьи: на ее вершине – хранители традиций старейшины, затем – главы семей, а затем все их младшие члены. Поэтому европейские аристократические семьи ведут свое начало от крестьян, а средневековое рыцарство лучшими своими качествами обязано крестьянским традициям.

Аналогично европейскому феодальному государству формировалось и феодальное государство Древней Руси. Но если в Европе крестьянские традиции, а вместе с ними и политическая власть феодалов были уничтожены третьим сословием, то Россия как была одним большим крестьянским хозяйством, так им и осталась. Поэтому и форма российской государственности вплоть до рокового 1917 года сохранила форму крестьянской семьи. Поэтому и царь в России всегда был не просто главой государства, а царем-батюшкой.

Отсюда же поразительная стойкость русской армии, которая формировалась из крестьян и командирами в которой были помещики. Она, как известно, всегда стояла насмерть, а одним из самых известных ее командиров был помещный дворянин А.В. Суворов. И отсюда же тип русского купца, слово которого ценилось выше всяких бумажных обязательств и который тоже сформировался на основе исходящих от крестьянства духовных традиций.

Попытку сделать из крестьянской страны страну городскую предпринял Петр I. Если бы попытка удалась, Россия получила бы третье сословие западного образца, и тогда в ней развился бы такой же, как в Европе, капитализм. Но поскольку реформы были нацелены только на смену внешней атрибутики и не затронули основ русской государственности, возникли такие явления, как разночинная интеллигенция и босячество. Это и есть российское третье сословие со всеми характерными

для него свойствами – полным отсутствием почтения к святым вещам и неумной жадной стяжательства.

Не обладая тем политическим влиянием, каким обладало в свое время третье сословие на Западе, они нашли другой путь насыщения своих политических appetитов: через государственный переворот и разрушение российской государственности. Из разночинной интеллигенции образовался клан профессиональных революционеров, а из босяков и бывших лакеев – комиссары всех уровней. Они уничтожили монархию, истребили духовенство, разграбили храмы, распродали произведения искусства и, самое главное, оболгали все, что было свято для русского человека. Причем в первую очередь удар был направлен именно против крестьянства как хранителя традиционной нравственности и основ русской государственности.

Семьдесят три года вербуя в свои ряды соответствующих своему психическому складу соратников и действуя откровенно криминальными методами, они пытались вытравить из России ее духовные традиции. Однако чтобы разрушить тысячелетние крестьянские корни, семидесяти трех лет постоянного террора и лжи, по-видимому, оказалось недостаточно. То, что у России хватило сил сбросить чуждую для себя власть, позволяет надеяться, что, по крайней мере, по духу своему она осталась крестьянской и по сей день.

Правда, эти семьдесят три года тоже не прошли даром. В современной России начали проявляться черты, которые никогда ранее ей не были свойственны, – лживость, продажность, дух стяжательства, отношение к собственной стране, как к захваченной территории. Думаю, что это – черты ушедшей власти, которая из партийных кабинетов перекочевала в офисы банков и совместных предприятий. От такого наследия необходимо освободиться. Поэтому национальной идеей нынешней России должна стать идея возврата к самой себе, идея поиска духовной основы и преодоления господства материи. Эта и есть та сила, которая, как верил Достоевский, спасет мир.

Как замечательно сказал Николай Бердяев, «Россия – фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов, страна Кондратия Селиванова и Григория Распутина, страна самозванцев и пугачевщины. Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа. В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града-Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни» [2.13].

Будем же искать эту правду.

Источники

1. Апресян Р.Г. Происхождение морали. Образовательный ресурсный центр Этика.
2. Бердяев Н. «Судьба России», М. 1990.
3. Библия, М. 1988.
4. Гвардини Р. «Конец нового времени», «Вопросы философии» № 4, 1990.
5. История Европы, М. 1988.
6. Лосев А.Ф. «Эстетика Возрождения», М. 1982.
7. Макиавелли Н. «Государь», М. 2003.
8. «Мифы народов мира», М. 1987.
9. Николаев Ю. «В поисках божества», К. 1995.
10. Платон «Государство», т. 3 (1) из с/с, М. 1971.
11. Рассел Б. «История западной философии», М. 1993.
12. Роббинс Р.Х. «Энциклопедия колдовства и демонологии», М. 2001.
13. Свасьян К.А. «Судьба математики в истории познания нового времени», «Вопросы философии» № 12, 1989.
14. Свенцицкая И.С. «Раннее христианство: страницы истории», М. 1989.
15. Швейцер А. «Упадок и возрождение культуры», в книге «Благоговение перед жизнью», М. 1992.
16. Шпенглер О. «Закат Европы», т. 2. М. 1998.